

Алексей Олейников

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

Р О М А Н

альпина

ПРОЗА

Москва, 2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7
О53

Редактор Мария Головей

О53 Олейников А.

Легкое дыхание : [роман] / Алексей Олейников. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 266 с. — (Серия «Исторический детектив»).

ISBN 978-5-00223-098-3

Вера Остроумова — одна из первых женщин-антропологов, окончивших Кембридж. Вера исследует феномен смерти в разных культурах, и смерть следует за ней по пятам. На вокзале южного города Северска армейский офицер убивает юную красавицу Олю Мещерскую. Его немедленно арестовывают, а оказавшаяся рядом Вера забирает оброненный в суматохе дневник жертвы. История, кажущаяся всем вокруг простым убийством из ревности, заставляет Веру остаться в городке на несколько дней и разобраться в том, что на самом деле произошло с Олей Мещерской.

Первый роман из детективной серии Алексея Олейникова о Вере Остроумовой, основанный на одноименном рассказе Ивана Бунина.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2=411.2)6-445.7

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-051-8
(Серия «Исторический детектив»)
ISBN 978-5-00223-098-3

© А. Олейников, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— А от в Чахломе-то, даров причастившись, простилась я со старцем Амвросием и пошла, пошла себе в Богдановск, к Божьей Матери Семистрельной, от всех бед заступнице. Ступай, сказал старец, душа грешная Лукерья — эт я, Лукерья-то, вот ступай да и не морочь, мол, мне голову, нет на тебе грехов — так и сказал, истинный крест.

Богомолка, замотанная в излохмаченный шерстяной платок совершенно необъятных размеров поверх линялой сорочки, вылупила глаза на собеседницу и мелко закрестилась. Лицо ее, загорелое и грязное, походило на печеное яблоко, коричневые морщинистые руки мелькали, она качалась, крестилась и не переставала бормотать.

— А как же нет грехов, когда они на каждом! На каждом есть, все мы замазаны, за всеми бесы скачут, всех хотят в искушение ввести.

Она поманила и, когда собеседница склонилась, зашептала горячо, обдавая запахом прелого лука, кислого тела и нехорошего дыхания.

— А скачут оне повсюду, сатане на радость, добрым людям на погибель знаешь, барыня, почему?

И, дождавшись «почему же, скажите на милость», продолжила.

— Когда ангел Господень их с неба скидывал, ножки бесы себе и поотшибали. С той поры то скачут, то хромают, а ровно ходить никак не могут. По твоей примете их и опознает народ христианский.

Собеседница ее склонила голову. Всем видом она выказывала немалую заинтересованность в предмете. А богомолка, найдя благодарную слушательницу, оперлась на суковатую палку, отполированную мозолями до мягкого блеска, и молотила, молотила языком, что твоя крупорушка.

— Так вот, в Знаменском монастыре в Богдановске-то всенощную отстояла и дале пошла, и по монастырям, по церквам благочестивым, и везде, матушка, меня привечали, и будто ангелы небесные несли, и нигде я и ножки не преткнула. Такое вот сильно слово старца Амвросия. Да на что все тебе это, барыня? Нешто бесы одолевают, тоже в странничество податься хочешь?

Она с сомнением посмотрела на собеседницу. Высокая темноволосая женщина слушала ее с видом совершенного ребенка, полностью погрузившись в рассказ. Волосы ее были забраны в строгий учительский пучок, но живое полноватое лицо, свежее и розовое, было исполнено самого искреннего внимания.

— Одолевают, матушка Лукерья, одолевают, — закивала барыня. — Нет от них спасения, окаянных. Верно, вот думаю — пора тебе, раба Божия Вера, раздать все имение да и пойти по Руси-матушке, хлебом питаться, росой умываться, как ангелы небесные. Да грехи не дают, не пускают грехи-то.

— А ты гони, гони их! — посоветовала богомолка. — Гони грех постом да молитвой, будет тебе Христос опорой и защитой. И пойди, пойди, матушка, обязат пойди, во первую голову, стало быть, в обитель...

Завыл паровозный гудок, старуха завертелась, заозиралась, остаток фразы растворился в шипении пара. Барыня сунула ей рубль, та в ответ сдернула с плеча холщовую котомку, выудила оттуда тряпицу, узлом связанную, сунула Вере и тронулась в свой дальний путь.

Женщина вернулась на скамейку, села рядом с худощавым молодым человеком в светлом льняном костюме с намеком на щегольство. Мужчина выглядел утомленным и болезненным, на его бледном лице выделялись рыжеватые усики, а светлые брови, чуть вздернутые над прозрачными серо-голубыми глазами, придавали характер горестного удивления, словно он остановился перед великою загадкой жизни и не в силах ее ни разрешить, ни оставить и пойти своей дорогой. Мужчина читал «Северский вестник» с таким вниманием, словно искал там известие о кончине дорогого дядюшки, который должен был оставить ему наследство. Рядом лежала бежевая шляпа тонкого фетра и чуть слышно шипела открытая бутылка сельтерской.

— Решительно не понимаю, Вера Федоровна, зачем вам эти хождения в народ, — холодно заметил он, когда женщина села рядом, и перелистнул газету.

Вера, нимало не смущенная таким приемом, развязала тряпицу, полученную от старухи-богомолки, и высыпала на ладонь семечки.

— Вот, Вениамин Петрович, полюбуйтесь. Вам как доктору будет любопытно. Семена подсолнечника, которые пролежали ночь на могиле самого сильного старца в Чудовом скиту. По дешевке уступила Лукерья. Самое чудодейственное средство, от всего помогает. Не хотите попробовать? В вашем состоянии, может быть, это последнее средство для спасения жизни.

Доктор опустил газету, бросил короткий взгляд.

— Сколько вы за это отдали?

— Рубль.

— Выбросьте эту дрянь немедленно, — велел он. — Вы цены своим деньгам не знаете. Они трудовым потом, может быть, заработаны, каторжным трудом подневольных на одной из фабрик вашего батюшки, а вы их на эдакую ересь тратите.

— Деньги эти от отцовских патентов, и вам это хорошо известно, — хладнокровно ответила Вера Федоровна. — Оставьте этот студенческий тон, он вам не идет. И потом, с чего вы взяли, что этот рубль — за семечки? Столько стоила ее история.

— И все равно — выбросьте, иначе за ваше здоровье я не ручаюсь. Вы ее руки видели? Там вам и холера, и чума, и мор, и все казни египетские.

Вера пожала плечами и высыпала семечки наземь. Тотчас подскочили воробьи, деловитые, как пехотные прапорщики, и даже, казалось, в мундирах такой же расцветки, и начали клевать освященные семечки страстицы Лукерьи.

— Вот вы спросили, зачем мне «хождения в народ», как вы выразились, — с легким упреком начала

она. — Я бы не удивилась подобному вопросу от чужого человека. Но вы, Вениамин Петрович, вы меня знаете намного лучше! Вы когда-нибудь думали, дорогой доктор, как мало мы знаем о своих родных местах? Вообразите себе — ученые отправляются к папуасам, на Огненную Землю, Андаманские острова, на архипелаг Тонга, к черту на куличики, рискуют жизнью, преодолевают и морскую качку, и бури, и болезни, и угрозы смерти, лишь бы добраться до неизученных, неизвестных науке племен — успеть перенять их обычаи, переписать их сказания и мифы, прежде чем они исчезнут под натиском нашей цивилизации. Благородная задача, не так ли?

Доктор Авдеев безмолвно согласился, что задача, безусловно, благородная.

— А между тем среди нас, в нашем обществе, как в человеческих джунглях, обитают настоящие неизведанные племена. Десятки, сотни неизученных нами народов, в своих обрядах иногда отстоящих от нас куда дальше, чем какие-нибудь микронезийцы. И моя задача как ученого-антрополога изучать их. Фрэнк Кушинг прожил пять лет среди племени зун. Он говорил как они, спал и пил как они, ел их еду, пел их песни и стал в конечном счете одним из индейских жрецов. Но так же и все эти странницы, паломницы, богомолки переходящие, христарадники — это же совершенно неведомая широкой публике сторона народной жизни, они представляют собой отдельный, особый слой человечества.

Вера разволновалась. Она встала, можно сказать, возвысилась над скамейкой (ростом она пошла в отца,

купца первой гильдии Федора Мардариевича Остроумова, который, как в народе говорится, с неделю вырос и натошак его не обойдешь). Вера Федоровна была, конечно, постройнее, но знаменитая остроумовская порода и в ней читалась. Дед ее, Мардарий Остроумов, на спор теленка на руках вокруг базарной площади обносил, да все бегом. А на теленке чарка с водкой поставлена, так говорят, ни капли старый Остроумов не проливал.

Серые быстрые глаза, темно-русые мелко кучерявые волосы, легкий пушок у верхней губы — ее нельзя было назвать красивой, но живость речи и яркость (иногда чрезмерная) взгляда притягивали внимание. Немало было женихов у Веры Остроумовой, и гренадерский рост невесты их не пугал, а привлекало их вовсе не только отцовское состояние, но все напрасно. Под венец Вера Федоровна не собиралась.

— Стало быть, это было ваше... как вы его называете, включенное наблюдение за, так сказать, нашими местными туземцами? — Доктор сморщился и отпил сельтерской. — Такое же, как с теми татарскими пастухами на Ай-Петри? И в Одессе, когда вы неделю прожили на Молдаванке? Или когда я вас в цыганском таборе едва отыскал? Кажется, вас уже сосватали за какого-то видного цыганского барона?

— С цыганами я немного увлеклась, — признала Вера Федоровна. — Невыносимо скучно было на ваших сакских грязях. К тому же я уже выздоровела. А Василий горяч был, человек-огонь. Что он с семистрункой вытворял, вы себе не представляете.

Доктор Авдеев отпил еще глоток и с сомнением посмотрел на пациентку. Вот уже второй год, как он стал семейным врачом Остроумовых, и надо сказать, никакие пациенты не ставили его в тупик так часто, как брат и сестра Остроумовы. Перенял он практику у своего отца, который пользовал старого Федора Остроумова, «электрического короля», и всю его семью последние лет тридцать. Казалось бы, не чужие люди — Вениамин Петрович вырос в купеческом доме Остроумова и все его семейство было для него почти родственниками. И тихая, миловидная и болезненная Анна Егоровна, жена Федора, рано ушедшая от чахотки, и сам старик Остроумов, и двое их детей, переживших опасный детский возраст, — Вера и Аполлон. Вера была старше доктора на три года, Аполлон младше на три, так что они часто становились его товарищами в детских играх. Насколько, конечно, это возможно было с Остроумовыми.

Эксцентричный купец хотел, чтобы у него была личная церковь и собственный врач в любое время. Церковку о пяти маленьких куполах пристроили к правому крылу трехэтажного особняка, сооруженного из красного кирпича в готическом стиле, отчего вся постройка приобрела довольно эклектичный вид. Внутри церковь, как и весь дом, освещалась не газом, а электричеством, вырабатываемым личной станцией Остроумова, а по иконостасу так и вовсе лампочки пустили для подсветки святых, к неудовольствию благочинного Павсихакия.

А для врача он выстроил флигель в саду (с непременно водопроводом и электричеством), где юный Веня родился и вырос, да и сейчас живет.

Нет уже и отца и матери, лежит в земле старый Остроумов, погибший в ходе очередного безумного эксперимента по производству алмазов посредством пропускания сверхмощного электрического тока сквозь уголь. А наследники Остроумова, Вера и Аполлон, делят старый особняк в глухом уголке Замоскворечья. Дом с грифонами, как его местные зовут, — в честь литых фигур на столбах у ворот.

Вернее сказать, в особняке жил младший Остроумов — Аполлон, опекаемый слугами и самим Вениамином, потому что к жизни за пределами дома он был совершенно не приспособлен. Доктор Авдеев даже не был уверен, что младший Остроумов до конца замечал, что он живет один, — книги заменяли ему весь мир.

А вот Вера Федоровна как выпорхнула из гнезда в восемнадцать, отправившись в Петербург учиться на Бестужевских курсах, так с тех пор дома бывала лишь наездами. Только старый Остроумов и мог ее приструнить, пока был жив, а как умер — все, пиши пропало.

В Петербурге она умудрилась фиктивно выйти замуж для получения паспорта, чем привела в оцепенение всю провинциальную купеческую родню, а потом показилось остроумовское колесо, как писал господин Гоголь в своем бессмертном сочинении, — сначала в Лондон, потом в Кембридж, затем в Сорбонну и опять в Кембридж. А уж потом Египет, Алжир, Конго, Гаити...

Письма, оклеенные марками так густо, что походили на чешую, приходили в тихий московский особняк из таких мест, каких и на карте-то не найдешь.

Доктор Авдеев был человеком современным и совершенно не отрицал передовой роли женщины в обществе. Читал он и «Крейцерову сонату» Толстого, и с большим сочувствием следил за деятельностью Лиги равноправия женщин, и полностью разделял их борьбу за расширение женских прав. Женщина, по его мнению, была товарищем и другом мужчины, и они должны были делить все тяготы строительства нового, лучшего мира. Медик, инженер, учитель, адвокат, чиновник, даже и военные должности — все профессии должны были покориться женщинам.

Но этнограф и антрополог? Нет, это даже для Вениамина Петровича было чересчур. Хотя, быть может, потому что это была Вера — их милая Вера, на которую он привык смотреть как на старшую сестру. Но Вера Остроумова никого не спрашивала. Она просто поступала так, как считала нужным.

Вот и сейчас — ей надо себя беречь, ведь после двух лет на Амазонке ее нервная система совсем расшатана. Те видения, а если точнее, галлюцинации, которые ее терзают, довели Веру до границы безумия. Бог знает, что она там видела, среди дикарей, в том зеленом аду, что ей пришлось пережить, через какие испытания пройти!

Вера была крайне скупа на рассказы о пережитом. Но когда Авдеев встретил ее в Париже, она была похожа на забытое воспоминание о самой себе. Он смог ее уговорить начать лечение — хотя совершенно не понимал, с чем же, черт возьми, он имеет дело, и только надеялся, что целительная сила сперва швейцарских, а затем и крымских пейзажей благотворно скажется

на ее душевном состоянии. Расчеты оправдались: скука и покой зимнего Крыма немного успокоили Веру Федоровну. Безумства с цыганами и татарами — незначительный рецидив. Авдеев очень на это надеялся. Они провели в Крыму всю зиму и теперь возвращались домой, в Москву.

Всего сутки — и они будут дома, где к его услугам библиотека медицинского факультета Московского университета и опытные коллеги, которые наверняка сталкивались с подобным в своей практике.

Но ее неустойчивое поведение его беспокоило. Вера Федоровна очень походила на человека, которого изнутри терзает какое-то жгучее, неутолимое желание, и, чтобы заглушить его, он принимается за что угодно, лишь бы заглушить эту внутреннюю тягу к запретному занятию.

— Давайте пройдемся, — предложила Вера. — Я вам расскажу про монографию Кушинга. Особенно сти верований индейцев уни. Очень интересно.

Доктор огляделся.

Все провинциальные вокзалы похожи друг на друга. Суета, шум, толкотня. Голуби носятся под навесами, воробьи бесстрашно скачут, выискивая себе пропитание среди мусора, брошенных билетов и шелухи от семечек.

Пассажиры первого класса прогуливаются в ожидании поезда, распространяя запах дорогих сигар и брокардовского одеколона «Цветочный», пассажиры третьего пахнут куда прозаичнее — дешевым кофе и яишницей — и смотрят на мир совсем не так благодушно. Куда-то спешит студент, надвинув картуз, орут дети, господин

средних лет, по виду коммивояжер, задумчиво смотрит на пирожок, всегда готовый к его услугам и приобретенный тут же, в вокзальном буфете. На лице его отображается борение голода и опасение за свою судьбу, и даже боги не возьмутся предсказать исход сего борения.

Обходчик флегматично стучит колотушкой по колесам, и этот равномерный железный стук странным образом успокаивает, говорит: «Все идет своим чередом, поезд отправится по расписанию». Господа офицеры покуривают папироски, наблюдая за дамами. Носильщики в дурно смазанных сапогах, блистая бляхами на форменных синих блузах, волокут горы чемоданов, саквояжей, узлов и корзин. Все это видно множество раз и все же занимает многообразием и сочетанием человеческих типов.

— Пожалуй, составлю компанию.

Кряхтя, он поднялся и, подбадриваемый Верой, пошел по перрону. До отправления оставалось полчаса, отчего бы не пройтись. Кабы не проклятое кишечное расстройство, которое его настигло в пути, Авдеев бы и сам предложил пройтись. Он не любил сидеть на одном месте. Пресловутый пирожок с горохом и свиным салом, который доктор приобрел, находясь в каком-то умопомрачении, в Джанкое! Заворожила его толстая баба-продащица, что ли?

Он еще помнил, что на обертку пирожков были употреблены старые ресторанные счета и ему достался за-масленный счет на пять двадцать. Эти чертовы пять двадцать преследовали его уже вторые сутки, когда он поминутно посещал клозет. Больше всего Вениамин

Петрович терзался не от телесных неудобств, а от того, что купе его было рядом с Вериным и та имела сомнительное счастье наблюдать путь страданий доктора Авдеева. Виа Долороза до клозета.

— Я сапожник без сапог, — говорил он, отпаиваясь минеральной водой на станциях. — Какой к черту «врачу, исцелися сам»! Если я вторые сутки не могу побороть элементарный понос! Простите, Вера Федоровна, за такие обороты.

— Зря вы отказались от моего средства, я бы вас мигом поставила на ноги. — Вера сочувственно подкладывала подушки и носила воду.

— Благодарю покорно. — Доктор прикладывал холодную бутылку ко лбу. — Меня сам профессор Бутаков на кафедру неврологии звал, у меня диплом с отличием. И вы предлагаете мне лечиться вашими корешками?

— Это не корешки, а отвар корня гигантской кувшинки, — обижалась Вера. — Верное средство при кишечных расстройствах. Индейцы им буквально спасаются. Знаете, сколько дряни в речной воде?

Увы, доктор не дослушал, ибо природа вновь повлекла его в постыдный побег по известному адресу. Теперь же, окончательно расставшись с иллюзиями по поводу своей компетенции и остатками подлого пирожка, он блаженно отдыхал на вокзальной скамейке, ожидая, пока их поезд перестыкуют, присоединят паровоз и они, наконец, уже двинутся домой, в Москву. Прогулка по шумному вокзалу — последнее, чего сейчас желал доктор Авдеев. Однако требовать того же от Веры Федоровны было решительно невозможно. Удержать на

скамейке Северского вокзала особу, которая самостоятельно объездила всю Европу, прослушала курс этнографии в Кембридже, а потом два года в составе экспедиции провела в дельте реки Амазонки, не представлялось возможным.

— Знаете что, посидите лучше тут, — заявила Вера, когда они прошли немного. Она усадила его на следующую скамейку, вручила «Северский вестник». — Сердце разрывается на вас глядеть.

Доктор с благодарностью кивнул, падая на скамью. И в самом деле, он переоценил свои силы.

— Только воздержитесь, прошу, от всякого рода возбуждающих ваше воображение картин и событий, — попросил Авдеев.

— Какого рода возбуждающих? — уточнила Вера Федоровна. Она взяла со скамьи свой дорожный сак — объемистый, но удобный, какие обычно используют доктора. У Веры Федоровны в нем таилось немало чудес.

Тот самый порошок из корня кувшинки, например.

— Вы знаете. Все, что способно стимулировать ваше особое любопытство, вашу специфическую область интересов, — сказал Вениамин Петрович.

— Говорите прямо — мою тягу к смерти! — сказала Вера. — Вы, кстати, читали последнюю работу доктора Фрейда? О влечениях? Очень любопытная, советую. Интересно, существует ли влечение к смерти? А если да, то как бы его назвали? Мортидо, от латинского «море» — смерть?

— Возможно, — сухо ответил доктор. — Вы же хотите, чтобы эти видения не возвращались? С тех пор

как вы вернулись из экспедиции, вас так и тянет ко всякой мертвечине.

Вера покачала головой.

— Обещаю, сегодня никаких смертей, Вениамин Петрович.

Она подобрала юбку и двинулась по перрону шагом человека, отвыкшего от мостовых. Доктор Авдеев еще раз вздохнул и отпил уже теплой сельтерской.

Вера Федоровна, разумеется, сказала неправду. Но что ей оставалось? Если она хотя бы намекнет Авдееву, что ее видения возвратились, то он и ей покоя не даст и себя до корки доест. А ему нужен покой, как и всякому выздоравливающему.

Между тем то самое холодное покалывание в висках усиливалось. Доктор списывает все на совпадения, как истинный позитивист, он гонит черта мистицизма в окно и дверь и не преминет запустить в него едкой чернильницей своего остроумия, но Вера твердо знала — покалывания эти — никакие не телесные галлюцинации, а верный предвестник того, что в скором времени рядом произойдет смерть. И смерть насильственная.

Вера шла упругим быстрым шагом, высокие ботинки со шнуровкой легко несли ее. Она обогнула здание вокзала, и вокзальная площадь города Северска, согретая апрельским солнцем, распахнулась перед глазами.

Площадь была полна торопливого народу. По левому краю площади стояли коляски, брички, дрожжи и прочие экипажи, и извозчики, сойдя с козел, толковали меж собой. Под ногами у них, и меж лошадиных

копыт, и прячась за колесами, вертелись воробьи, выискивая упавшие зерна или копаясь в лошадиных лепешках.

Недавно прошел дождь, и пролетки, блистая спицами, разбрызгивали воду. Дребезжа всеми суставами, пересекала площадь конка — предмет насмешек горожан и гордость градоначальника. Внутри, как горох, тряслись пассажиры, но из-за отдаления восторженного выражения их лиц было не разобрать. По правую сторону площади тянулись разнообразные пирожковые, где торговали собратями того подлого горохового пирожка, так коварно обошедшегося с Авдеевым. Люди пересекали площадь в самых разнообразных направлениях, а солнце, чуть задернутое кисеей жемчужных облаков, вставало над проспектом и обрисовывало все мягким размытым светом, какой бывает только в дни скоротечной южной весны.

На краткий миг Вере представилась совсем другая картина, совсем другой рассвет — теплое солнце растилает огненный ковер по упругому речному шелку, и ладони гигантских кувшинок стоят, обжигаемые этим огнем, а в розовом тумане, встающем над великой рекой и великим лесом, несутся вдаль сотни ярко-зеленых попугаев.

Потом в виски ударило остро, сильно, очень сильно. Вера поняла — не здесь, позади, она прошла мимо. Торопливо помчалась обратно, выбежала на перрон, в ближний поезд — на Новочеркасск — грузился пехотный полк, и не протолкнуться было среди солдат, потом ударило совсем сильно — так, что в глазах потемнело.

Вера замерла, оперлась на колонну, переводя дух, и услышала выстрел.

Впереди заволновались, закричали, толпа зашевелилась как единое живое существо, движимое смутным страхом опасности, в ней образовались людские водовороты — кто-то хотел притиснуться ближе, кто-то, наоборот, стремился уйти прочь. Притиснутый к вагону толпой, стоял какой-то низенький мужчина с лицом помятого поручика Лермонтова и с интересом наблюдал за происходящим.

Наконец Вера протолкалась и встала в передних рядах. Двое мужчин удерживали офицера в пехотном мундире, тот стоял не сопротивляясь. Третий выкручивал револьвер из его руки, а офицер будто и не замечал этого. Лицо его, плоское и рябое, с нелепыми черными усиками, было бледным, как папиросная бумага. Шагах в трех от него лежала девушка.

Очень красивая, черноволосая, в гимназическом сатиновом платье, голубом с белыми лентами, она лежала на спине, раскинув руки, и белая кашемировая шаль расплескалась как крылья. Кровавое пятно расплывалось на груди.

«Убил, убил, офицер убил, прямо в упор», — кружил вокруг многоголосый шепот и становился шумом прибоя. Веру знобило. Убитая лежала, повернув голову набок, черная прядь выбилась из прически и упала на мраморный лоб. Вера Федоровна проследила взгляд ее мертвых глаз. Быстро присела, подняла маленькую книжечку в зеленом сафьяновом переплете. И быстро пошла прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Доктор задремал, прикрыв лицо «Северским вестником». Бедняга, совсем измучил его этот пирожок, всю ночь на ногах провел. Ни шум, ни вокзальная суeta его не беспокоят — спит сном человека с чистой совестью.

Ангелы таких на кончиках крыл носят, как в народе говорят.

Вера покосилась на краешек бумажника, который выглядывал из внутреннего кармана докторского дорожного пиджака, но не стала так зло над ним шутить. Он и так с ней измучился.

Села рядом и углубилась в чтение найденной книжечки, охраняя его сон.

Когда ударил паровозный гудок на соседнем пути — густой, протяжный, будто вырвавшийся из глотки доисторического зверя, — доктор пробудился. Всхрапнул, втянул газету, сорвал с лица, огляделся сонно. Светлая куцая борода, которую он пытался отрастить для солидности, мелко задрожала.

— Что ж у нас, время? — он покосился на Веру. — Пора бежать. А что это, почему здесь, это что...

Он посмотрел на свой модный полосатый чемодан, купленный в Париже, и Верин чудовищных размеров черный чемоданище — Левиафан среди дорожных

аксессуаров, прародитель, Чемодан Чемоданович, чья шкура была в трещинах и царапинах, о чью кожу тупились воровские ножи и заточки от Бомбея до Нью-Йорка.

Все эти вещи должны были располагаться в багажном отделении поезда, и, да, им пора бы уж в поезд, а не на скамейке прохлаждаться.

Доктор повернулся всем телом к Вере Федоровне. Практически вопрошая. Та безмятежно читала книжечку в зеленом сафьяновом переплете. Не видел раньше доктор у нее такой книжечки, цветочки, опять же, по краю от руки нарисованы, анютины глазки, — старательно, но не очень умело, а Вера Федоровна рисовала отменно, хотя и довольно сухо — в основном татуировки, языческих божков и профили туземцев. Цветочки средней полосы — это не для нее.

— Что ж это, Вера Федоровна, значит? — спросил он обреченно, хотя сам понимал, что: опять у Остроумовой ветер переменился и новая блажь вступила в свои права.

— Нам надо в Северске пожить. Некоторое время. — Вера захлопнула книжечку. — Вот, кстати, и носильщики.

— Я как ваш врач решительно протестую! — заявил Вениамин.

— Вы же говорили, что мне лучше!

— Разумеется, однако мне было бы намного проще наблюдать вас в домашних условиях.

Вера поднялась.

— Грузи, милый, чемоданы, сажай сверху этого господина, — распорядилась она. — И вези нас к извозчику.

И пошла по перрону к выходу.

Носильщик растерянно посмотрел на Авдеева и невольно потянулся к нему волосатыми ручищами. Был он сутулый, длиннорукий и щурился на один глаз, как алжирский пират из книжки, которую доктор читал своим племянникам.

— Да что ты, черт кривой, руки тянешь, — Авдеев подскочил, отмахиваясь газетой.

— Так ведь барыня сказала...

— Скажет под поезд сигать, ты и сиганешь? — пердразнил Авдеев. — Пошутила она. Клади чемоданы и топай за мной.

Он пошел быстрым шагом, нагоняя Веру, а та уже сговаривалась с извозчиком и повелительно махала пухлой рукой в кружевной перчатке.

Вера Федоровна, когда не скакала по джунглям с мачете, любила принарядиться, смешивая в гардеробе вещи функциональные и бессмысленные.

Вениамин Петрович забрался в шаткую коляску, извозчик увязал чемоданы, забрался на козлы и, нежно хлопывая вожжами, покатил по мостовой, отсыпанной песком для смягчения неровностей и тягот пути — городской голова Иван Саввич Дача расстарался к визиту генерал-губернатора, который случился на прошлой неделе, — по каковой причине на Северск пролился неожиданный дождь благоустройства.

Впрочем, Авдеев о местном градоначальнике и думать не думал, а нервно поглядывал по сторонам и раздраженно мял «Северский вестник».

Самые мрачные предчувствия терзали доктора. Последний раз, когда Вера предпринимала подобные эскапады, все закончилось лихой погоней за цыганским фургоном в крымских степях.

Во главе воинской команды мчал доктор на разбитном лихаче Жоре Посторонись — самом дорогом в Одессе. Жора и сам водился с цыганами, лошадей менял, как воротнички, и меньше чем за пять целковых за кнут и не брался.

Тогда вышло все кучеряво, как выражались приставы.

Цыгане в лагере разбежались, как разноцветные мыши, бабы орали, младенцы вопили и ручной медведь, поддавшись общему умонастроению, уселся на землю и принялся выделывать свои штуки — хлопать лапами и показывать японского микадо.

Потом городовые долго катали по ковылям цыгана с опереточными усами в малиновой рубашке — местного барона Василия, а тот заламывал руки, плевался кровью, скалил розовые, как свежая лососина, зубы и причитал «Помиосердствуйте, господа», целуя желтую крымскую землю.

Вера в то время сидела в фургоне и с живым интересом следила за происходящим, но доктор Авдеев был готов поклясться, что ее прозрачные серые глаза в то же самое время видели нечто совсем иное.

Вот и сейчас Вениамин Петрович ожидал самого худшего — хотя чего было ожидать от отеля «Гранд Северск» — самого что ни на есть лучшего, как заварил извозчик, — кроме горячей ванны, водопровода,

парового отопления, электрического освещения и хорошего ужина?

Доктор молчал, пока поднимали их чемоданы, пока коридорный рассказывал, как хитро устроены шнуры для связи с обслугой, где включается отопление и какими выключателями и электрическими лампами Эдисона оборудован отель — этим коридорный особенно гордился, но потом, когда они уже расположились в номерах по соседству и пили вечерний чай в ресторане внизу, Авдеев не выдержал:

— И по какой же причине мы здесь задержались?

Вера перелистнула страницу зеленой книжечки, с которой не расставалась весь вечер, что-то оттуда выписывая мелким муравьиным почерком в блокнот. Сделала пометку, подняла серые глаза.

— А я вам не сказала? — удивилась она. — По причине убийства.

Доктор достал ломтик лимона из чайной чашки и нервно прикусил.

— Опять... Вера? — спросил он дрогнувшим голосом. — Все вернулось?

Вера замотала головой и прядь темных волос выбилась из прически.

— Вениамин Петрович, дорогой, просто любопытный случай, ничего страшного. Ну просто убийство. Так сказать, загадка для ума. Обычное дело, на одну трубку, как говорил Шерлок Холмс. Ах да, вы же не читаете такое...

— Ну да, просто убийство, — повторил упавшим голосом Авдеев. — Загадка, какой обычно себя забавляют женщины. И какая же?

— Вам интересно? — Вера наклонилась. Глаза ее заблестели. — Рассказать?

— Сделайте милость, — обреченно сказал Авдеев. Он уже прикидывал, какие лекарства завтра надо будет купить в аптеке — заметил он на углу одну, что уж делать — профессиональное, — а какие выписать. Определенно, потребуются пустырник, валериана, раствор кокаина, возможно и опий. В Москву они вернутся точно не скоро: если уж Вера нашла себе дело, то, пока его не разматает, как котенок клубок пряжи, не отвяжется. А уж что с ней случится во время этого расследования — это знает только Господь Бог и немного доктор Авдеев. Поэтому он и слушал ее рассеянно, составляя в уме список успокоительных и снотворных средств.

— Ужасная история, — сказала Вера. — Любовь, растление, роковые страсти юной девушки. Насильственная смерть.

— Ну разумеется, как же иначе, — доктор налил еще кипятку из сверкающего медалями самовара, на боку которого значилось: «Товарищество В. О. Пелевин и сыновья».

— Зря смеетесь, история и правда грустная. — Вера перелистнула страницу. — Началась она примерно год назад. Жила-была девушка Оля, дочка главы местного отделения Южнорусского промышленного банка. А потом ее растлил приятель отца, их семейный доктор, который с детства ее наблюдал. Оле, кстати, не было и шестнадцати. Ох уж эти семейные доктора.

— Довольно грязная история, — сказал Авдеев, цепляя щипчиками синеватый осколок сахара. — И поэтому она умерла?

— Нет, ее убили вчера на вокзале, убил офицер. Конечно, его тут же арестовали... Я пока не дочитала, что там у них было. Но уверена, что все связано. В мире все вообще связано, Вениамин Петрович.

— Вера, вот скажите, зачем вам это?! — с неожиданной страстью воскликнул Авдеев. — Все эти смерти, убийства? Что вам в этой девочке? Пусть полиция разбирается, тем более что преступник пойман. Поедем в Москву, Вера Федоровна?!

Вера посмотрела на него своими неуловимыми глазами цвета чайчьего крыла и закрыла книжечку.

— Спокойной ночи, Веня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Дорогой Веня!

Не корите себя, вы не виноваты. Пирожок тоже. Такова моя природа. Если хотите, чтобы мы побыстрее покинули Северск, сделайте одолжение — посетите Коннозаводческое собрание, там гуляет весь городской бомонд.

Вам нужен доктор Малютин, он человек в городе известный, с большой практикой. Думаю, вам будет просто свести знакомство с ним, вас ведь профессор Бутakov на кафедру нервных болезней звал. А он как раз большой их знаток, уверена, вам будет что обсудить.

Вера в вас верит!»

Когда Вениамин Петрович встретился со своим завтраком континенталь в ресторане на первом этаже, Веры, разумеется, уже не было в отеле. Куда ее унесли индейские боги, Авдеев понятия не имел, потому свирепо начал читать записку, которую она оставила.

— Малютин, Малютин, — пробормотал он. Поймал за рукав официанта, бесшумно уносившего пустую чашку. — Любезный, вы знаете доктора Малютина?

— Алексея Ивановича? — с готовностью откликнулся официант. — Кто же его не знает! Светило! В Киевском

медицинском преподавал! Кафедру нервных болезней! Лучший доктор в Северске!

— А клуб «Гамлет» у вас где? — обреченно спросил доктор.

Официант немедленно сообщил, что в «Гамлет» его любой ванька свезет, потому что место известное, рядом с городским садом и там самая респектабельная публика обретается.

Вениамин Петрович вздохнул и отправился распаковывать свои рубашки.

Тем временем Вера Федоровна гуляла по солнечным улицам города Северска. Краткий визит генерал-губернатора много способствовал его благоустройству. Пахло свежей краской. Заборы и фасады домов на первой линии были выкрашены в предписанный желтый и зеленый цвета попеременно, отчего улица напоминала характерную коробку киевского монпансье «бонжурка». Два татарина тащили вдаль тележку со старьем, оглашая окрестности призывным кличем «старье берем». Ветерок трепал голые веточки лип, высаженных вдоль Преображенской улицы в два радующих глаз ряда.

Жизнь кипела в городе Северске утром в субботу. Вот прошел благообразный мужчина средних лет в английском котелке, помахивая тростью, проехали две-три рессорных коляски и следом ломовой извозчик, перевозя двустворчатый шкаф чудовищных размеров. Тот каким-то чудом, божьей помощью и хитрой системой ремней торжествовал над земным притяжением и не падал на мостовую. Приказчик у лавки, лузгая семечки,